

* * *

как темнеет за пластиковым окном
как немо оно и гладко как строги его черты
как темнело за деревянным окном я почти не помню
но горчат шершавины рамы
и заклеены щели малярной лентой
и слышен дождь законный
и загробная груша слышна
ты сидишь
а дом качается и летит
ты сидишь
а дом освещённый одной сигаретой
безответно мигает и темнеет темнеет

* * *

снился сад
невесомый щербатый
долгий сад
в перестуках ветвей
с крыш как стаи бровей
рыхлый снег невозможного марта
нависал
ноздреватый слабел
становился мелодией тучей
чёрных вёсен и вёсел
ожившего сада
ладонями лодкой
отсыревшей пахучей
и качался с ветвями
как болотная выпь
в такт дыханью куги

на воде расходились круги
слёз и скрипа
тяжёлого снега

* * *

Волглый ветер в сирени –
через время и слёзы –
белизна белизной.
Тонкий голос прабабушки Лены –
дрожащий, резной.

Я не слышу его, я не слышу,
только видится он –
бахромой, лепестками –
на покатую мокрую крышу
в синем сумраке ломких окон –
руками

невесомыми, сонными, тёплыми.

* * *

Так умирают о весне,
так тихо – сказано и тесно –
на тополь валит свет и снег
доверчиво и бесполезно

грустит и верит пешеход,
хрустит, хрустит и рассыпается,
как белый хлеб больных высот
твоё трепещущее платьеце.

Холодный свет моей строки
на голом поле сжатой мысли,
где от руки и до руки
идут седые старики

и беды бледные повисли.

* * *

желтоватый как запах корицы камыш
вялых рук шелестенье синичьим крылом подожди
подожди умирать умирать прошлогодним листом
хрустом скомканной пачки пустой сигарет сигарет

каблук и крыло всё одно если цок или взмах
о последний троллейбус пришли окуджава за мной
поплыву с невозможной и рыжей девчонкой в обнимку
будто в ясной поляне засохшие дуб и береза

запятые и рифмы это кочки и костыли
остаётся невнятица глупого ритма и что-то
на окраине чуда про печать про печаль домычать
камышом желтоватым как запах корицы корицы

* * *

Переводить вечерний дождь
на свой язык синиц и листьев.
Дорога лёгкая, как дрожь,
и длинная, как выстрел.

Наш паровоз вперёд летит
уже без остановки.
И ни винтовки впереди
и ни одной Каховки.

Так никогда не умирать –
лететь, лететь и таять.
Какая чистая тетрадь! –
тяжёлая, как память.